

К проблеме СЛОЖНОСТИ

УДК 159.9.01+101

Статья посвящена методологии употребления понятия сложности в современном научном дискурсе. Отмечая невозможность дальнейшего его использования в устоявшемся размытом и эклектичном виде, автор предлагает дифференцировать данное понятие по трем основаниям: сложность синкретическая и комплексная, сложность системная и сложность специализаций и сложность структурных элементов и межэлементарных связей. Такая дифференциация задает принципиально новую методологическую оптику при анализе широкого ряда феноменов, относящихся как к естественнонаучной, так и к гуманитарной области, а также к проблеме эволюционной динамики.

Ключевые слова

Сложность, синкретичность, специализация, эволюция, структура, центр, системность, бинарность.

Автор

Пелипенко Андрей Анатольевич — главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Московского психолого-социального университета, доктор философских наук, профессор.

Окончание.
Начало см. в № 1/2014

Сложность системная и сложность специализации

Как это ни странно, но даже серьезные авторы нередко присоединяются к обывательскому изумлению перед сложными технологиями древних народов. Будучи убеждены, что достигнутый уровень сложности в какой-то одной области непременно должен присутствовать и в других, они не находят рациональных объяснений тому, что в истории это сплошь и рядом оказывается не так. И тогда проблему в лучшем случае относят к разряду неразрешимых, в худшем она обрастает всевозможными экзотическими фантазиями вроде инопланетных учителей, что, впрочем, к серьезным авторам отношения не имеет. Разрыв между системной и специализирующей сложностью нетрудно проиллюстрировать и на бытовых примерах. Конспиролог с примитивно-манихейской картиной мира при этом может быть высоко и сложно специализирован в своей профессиональной области, например в инженерно-технической и т.п.

Различение вертикального (магистрального) и горизонтального (адапционного) типов эволюционирования позволяет дифференцировать эпистемическую сложность: вертикальному типу соответствует **сложность системная**, тогда как горизонтальному — **сложность специализации**. При этом контраст уровней сложности может быть огромен, что нетрудно проиллюстрировать примерами из биологии: примитивные по своей системной организации виды могут иметь сложнейшие специализированные органы. То же и в эволюции культурной. К примеру, гунны имели сложную технологию изготовления луков; стреляя из этих луков на скаку, они пробивали доспе-

хи своих врагов. Но системная сложность их культуры оставалась при этом низкой. То же можно сказать и о любой древней культуре, удивляющей нас своими, казалось бы, невозможными техническими достижениями. И, разумеется, не только техническими. Так называемые примитивные народы имеют сложнейшую систему родства, языка, ритуалистики и т.д. и т.п. Примеры можно множить бесконечно. Даже среднепалеолитическая технология изготовления каменных артефактов для современного человека по-своему настолько сложна, что ее имитация почти невозможна.

Даже среднепалеолитическая технология изготовления каменных артефактов для современного человека по-своему настолько сложна, что ее имитация почти невозможна.

Специализация — адаптационный ответ на внешние вызовы среды. Внутренних стимулов она не имеет: имманентное свойство всякой структуры/системы — сохранение максимально целостного, недифференцированного и потому неспециализированного состояния, которому можно дать несколько парадоксальное определение: *абстрактный универсализм*, то есть речь идет не об универсальности проявлений, а об универсализме возможностей. Определение формы как ответа организма (структуры) на импульсы среды не учитывает генетической основы морфогенеза; чтобы отвечать на импульсы, надо уже иметь какую-то форму (онтологию). Первичное неразвернутое состояние системы характеризуется максимальной фрактальностью: отдельные ее элементы в своей абстрактной универсальности выступают наиболее репрезентативными сколками целого. В филогении культур этому состоянию соответствуют ранние пред-

сторические формы: максимум палеокультурного синкретизма, своего рода отправная точка его расслоения, соответствует эпохе среднего палеолита, которая в нашей периодизации обозначается как *палеокультура*. Завершение видовой эволюции человека коренным образом меняло диалектику морфофизиологических и культурных адаптаций: верхнепалеолитический культурный взрыв инициировал динамичное расслоение палеосинкретизиса — нарастание сложности функциональной специализации хорошо иллюстрируется расширением номенклатуры верхнепалеоли-

тического инвентаря. Абстрактная постбиологическая универсальность человека, его фрактальная соотнесенность с культурным целым пошла на убыль, стимулируя переживания экзистенциальной отчужденности, а «центр идентичности» сместился в сферу специализации социокультурных функций и соответствующих практик.

Вообще усложнение практически всегда сопутствует смещению этого центра. Переживание нераздельной сопричастности чему-либо включает механизм смыслогенеза [1] и, стало быть, усложняющей дифференциации идеального образа адресата партиципации. Переживая «себя как себя и себя как другое» (Гегель), ментальность «прикидывает» на себя онтологию *иного*, открываясь ему и тем самым делает первый шаг в сторону адаптивных специализирующих изменений. При этом режим ПМ, санкционирующий и обеспечивающий эти изменения, уже от-

личается от природного: специализируется не морфофизиология организма, а ментальные техники.

Адаптирующие специализации социокультурных функций всегда внутренне дифференцируют и тем самым усложняют систему, создавая в ней *внутренние противоречия*. Последние могут быть как продуктивными, то есть способствующими развитию и повышению общей жизнеспособности системы, так

на всю систему? Ответ в том, что любая культурная система:

- обладает структурно-конфигуративным генокодом, воспроизводящим ее целостные характеристики;
- стремится минимизировать и в идеале заблокировать свои конфигуративные изменения, то есть оставаться на «генетически» предопределенном уровне системной сложности, поскольку этот параметр является корневым основанием ее онтологии и формулой ее «чтойности»;

что, чем выше сложность специализаций в какой-либо локальной области, тем сложнее безупречно конвертировать ее в материал и язык другой области.

В результате всего этого между системной сложностью целого и специализирующей сложностью отдельных культурных локусов (подсистем, форм, отдельных практик) обнаруживается не просто ситуационный и устранимый разрыв, а фундаментальное и закономерное противоречие. Проще всего это противоречие можно было объяснить как отставание сложности системного целого от сложности его адаптирующей к среде периферии, представленное суммой специализирующихся и автономизирующихся вследствие этого подсистем. Но здесь следует иметь в виду, что системная сложность и сложность специализаций несопоставимы количественно, хотя некоторая корреляция между ними, разумеется, есть. Любая форма может модифицироваться в адаптирующих специализациях лишь в пределах, установленных системным целым. Та же логика действует и в культурогенезе. Как биологический организм выступает системным контуром для усложняющихся в адапциогенезе функциональных органов, так и в культуре содержание и количественный уровень сложности специализированных практик умеряется, сдерживается, ограничивается контуром системной конфигурации локальной культурной системы. Масштаб разрыва для разных ЛКС в истории весьма разнообразен и зависит от множества внешних и внутренних факторов. Типологизация культур по этому признаку еще ждет своих исследователей.

Универсальной формулы снятия противоречия между разнокачественными состояниями системной и специализирующей сложности не существует в принципе.

В отличие от компьютера ментальная сфера не форматируется подобно жесткому диску. Ментальные слои исторически «устанавливаются» один поверх другого и образуют многомерную амальгаму внутренних связей.

и контрпродуктивными — разрушающими целостность системной конфигурации. В таких случаях система начинает бороться с опасным уровнем усложнения в подсистемах, даже если это грозит ей большими издержками и ограничивает ее адаптивность в большой исторической перспективе. Примеров тому в истории более чем достаточно. Для идеократических государств, в особенности имперского типа, борьба с разлагающим системообразующим ядром усложнением подсистем — неизбывная проблема. Здесь культура борется сама с собой, мучительно ища паллиативы. Впрочем, древние общества не сталкивались с этой проблемой во всей ее остроте: центристские синкретические связи и притяжение системного ядра еще сами по себе достаточно сильны, чтобы озаботиться искусственной нивелировкой периферийной сложности.

Почему адаптирующие специализации отдельных культурных практик не распространяют достигнутый уровень сложности

- устремлена к локализации адаптирующего/специализирующего усложнения в своих автономизирующихся подсистемах, что, собственно говоря, и стимулирует эту автономизацию;
- уравнивает центробежное усложнение локальных специализаций в подсистемах усилением центристской нуклеации, что в свою очередь нередко требует вторичного упрощения системного целого. Чем выше и уже специализация подсистемных форм, тем больше система стремится их обособить, замкнуть их в локальных адаптирующих функциях.

Экстраполяция достигнутого в какой-либо подсистеме уровня сложности на области других социокультурных практик возможна при наличии трех условий: экзистенциальной, а не просто утилитарно-бытовой необходимости такой экстраполяции, специальной на то культурной санкции и ментально-языковой возможности транспонирования специализированного опыта из одной сферы культуры в другую. Интрига, однако, в том,

Разнокачественность здесь основывается хотя бы на том, что целое, как известно, не равно сумме частей, то есть количество сложности системы не выводится из количества сложности разного уровня подсистем, и потому *количество сложности специализаций не переходит в качество сложности системы.*

кой специализирующего усложнения и центростремительным устремлением к стабилизации системных оснований.

При нахождении оптимального соотношения противоположных сил нуклеации и радиации социокультурная система оказывается и максимально ста-

природу, нежели динамика сложности специализаций. Связано это с тем, что усложняющие конфигуративные трансформации не обусловлены напрямую адаптациогенезом и не решают его задач. Формы-носители нового уровня системной сложности всегда минимально специализированы, и это неудивительно. Высокоспециализированную форму «вытолкнуть» из узкой эволюционной ниши невозможно: в ситуации критического давления средовых факторов узко- и высокоспециализированные формы просто гибнут, что регулярно и происходит с «отличниками» адаптивной (горизонтальной) эволюции. А вот ее минимально специализированные маргиналы при определенном стечении обстоятельств оказываются в авангарде магистральной (вертикальной) эволюции. Классический пример — приматы, чья неспециализированность послужила пропуском в транссистемный вертикально эволюционный прорыв, приведший в итоге к появлению человека.

В горизонтальной эволюции функциональные изменения, как правило, предшествуют структурным (эффект Болдуина). В вертикальной наоборот. Поэтому рост системной сложности всегда опережает функциональную специализацию вертикально эволюционирующих форм. Носители нового системного качества с возросшим уровнем сложности живут как бы опережая свое время, что создает для них множество проблем. Этим объясняется частонаблюдаемый в культурах эффект, когда те или иные инновации, порожденные новым уровнем системной сложности, оказываются в неадекватной себе среде неэффективными и неустойчивыми. В этом смысле примечательна та устремленность, с которой культурное сознание совершенствуется и внедряет системные инновации, несмотр-

Здесь мы сталкиваемся с продуктивным диалектическим противоречием, имманентным самому объекту эволюционирования, а потому принципиально неснимаемым. Впрочем, каждой отдельно взятой системе от этого не легче. Историческая жизнь культур предстает в этом смысле ареной постоянной борьбы и балансирования между центробежной динами-

кой, и в то же время максимально гибкой в своем адаптациогенезе, а потому наиболее жизнеспособной. Вопрос о том, может ли способность к гармонизации названных типов сложности передаваться от одних систем к другим, требует отдельного рассмотрения.

Эволюционная динамика сложности системной имеет иную

ря на их очевидную неэффективность на ранних этапах. Так, первые образцы огнестрельного оружия во всем уступали луку, но это не стало причиной отказа от их совершенствования. Объяснение этому и множеству подобных примеров в том, что внутренняя мотивация к наращиванию системной сложности как таковой оказывается сильнее не только принципа эффективности, но даже и принципа удовольствия.

Реализация, опредмечивание нового уровня системной сложности самоценны и не требуют специальных обоснований, поскольку корни их трансцендентны для каждой конкретной эволюционной ситуации. Устремленность к скачкообразному наращиванию системной сложности обусловлена перманентным давлением эволюционного мейнстрима и потому априорна,

императивна и бессознательна. Вектор ее не только не совпадает с горизонтальным адаптационезом, но и полемизирует с ним, что порождает в культурах мучительные коллизии между вертикальными «революциями духа» и горизонтальными стратегиями приспособления и приспособленчества. При этом носители нового качества системной сложности всегда так или иначе вынуждены решать также и задачи адаптации, но для них выживание — не столько самоцель, сколько необходимое условие реализации нового уровня системной сложности. Когда пионерами нового уровня системно-сложностных форм выступают носители архаического сознания, то в его мифологическом мире причины, понуждающие жить и действовать не в соответствии с понятными принципами приспособления, могут корениться только в непостижимой и неодолимой воле высших запредельных сил.

С каждым шагом исторической эволюции эти причины выкристаллизовываются из смутных мистических интуиций и рефлексировались, устремляясь к оформлению в религиозно-мировоззренческих доктринах.

Фундаментальный прорыв осмысления системно-сложностных ароморфозов сопряжен с феноменом осевого времени и формированием концепта будущего в оптике эсхатологической перспективы. Отсюда же проистекает и психологическая установка *служения* как фундаментального способа культурной самореализации. Содержание служения, разумеется, может не иметь никакого отношения к увеличению системной сложности (часто как раз наоборот), но сама психологема принесения в жертву индивидуальных (групповых) приспособительных интересов или выживания ради «торжества идеи» порождена когнитивным режимом вертикального эволюционирования. Этот тренд или, скромно говоря, сквозную тенденцию — неуклонное наращивание уровней системной сложности (именно системной, а не сложности специализаций!) — можно, по-видимому, связать с почти одиозным понятием *прогресса*, которое в дискурсе эмпирических исследований оказалось безнадежно дискредитировано.

Какова корреляция между системной и специализирующей сложностью? Можно ли бесконечно увеличивать сложность специализаций при сохранении общей сложности системы?

Корреляция, разумеется, есть, ее просто не может не быть. Однако тема эта требует отдельного рассмотрения. Напрашивается аналогия с компьютером. Сложность программ не может бесконечно увеличиваться в оболочке неизменной сложности всей операционной системы. Рано или поздно наступает момент, когда системная сложность операционной системы должна будет выйти на следующий уровень, причем не только для организации работы программ с уже достигнутым уровнем специализации, но и как бы «на вырост» —

ние противоречия. Так, рожденная «на вырост» вертикальным ароморфозом новая система, как правило, оказывается плохо притертой к условиям материнской системы, поэтому неспециализированный универсализм на ранних этапах коэволюции материнской и новообразованной систем неизменно проигрывает высокоспециализированному «примитиву». По мере развития собственных специализаций новой системы ситуация выравнивается, рано или поздно происходит полярная смена позиций и закат материнской си-

связей могут достаточно широко варьироваться. При этом в эволюционной перспективе крайние позиции скорее альтернативны, чем стадийно иерархичны или, иными словами, ни сложность элементов, ни сложность связей сама по себе не может быть мерилем эволюционной «продвинутой» вообще.

Игнорирование названного различия чревато абберациями, в силу которых очевидная сложность связей неправомерно вменяется самим структурным элементам. В истории сплошь и рядом наблюдаются структуры, в которых сложность связей превышает, порой весьма существенно, сложность самих элементов.

«Возьмем, например, классическую греческую межполисную систему. Уровень сложности многих *греческих полисов был достаточно низким даже в сопоставлении со сложным вождеством* (курсив мой. — Авт.). Однако они были частями значительно более обширной и несравненно более сложной общности, образованной многочисленными экономическими, политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Экономические связи, конечно, играли какую-то роль в рамках данной системы. Но прочие связи были отнюдь не менее важны. Возьмем в качестве примера норму, согласно которой межполисные войны приостанавливались во время Олимпийских игр, что делало возможным безопасное движение людей, а значит, и огромного количества энергии, вещества и информации в пределах территории, значительно превосходящей территорию среднего сложного вождества» [2].

Политогенез — частный случай, показывающий эволюционную альтернативность разных типов структурообразования. В соот-

Разрыв между уровнями сложности не может превышать некую критическую величину, иначе структура просто разрушается.

с учетом наращивания специализирующей сложности в будущем. Именно так обстоит дело и в эволюции культуры, где роль операционной системы выполняет *ментальная конституция человека*. Поэтому сквозной тренд наращивания системной сложности в культуре — это прежде всего тренд скачкообразного наращивания ментальных слоев, каждый из которых представляет собой относительно автономную «операционную систему» со своими «служебными» и разнообразно специализированными программами. В отличие от компьютера ментальная сфера не форматируется подобно жесткому диску. Ментальные слои исторически «устанавливаются» один поверх другого и образуют многомерную амальгаму внутренних связей, а потому отношения системной и специализирующей сложности в культурах проследить далеко не так просто, как в компьютере. «Операционные системы» ментальности не просто соседствуют друг с другом под одной оболочкой, они соперничают и борются между собой, что порождает в культурах острейшие внутрен-

стемы. При этом если сложность специализаций может при соответствующих исторических обстоятельствах инволюционно деградировать, то рост сложности системной внутри каждой отдельной культурной системы нередуцируем, а в большой исторической перспективе необратим и в этом смысле может служить социокультурным аналогом закона необратимости эволюции Долло.

Сложность элементов и сложность связей

Общая сложность всякой структуры/системы складывается из сложности входящих в нее элементов и сложности установленных между ними связей. Это различие обычно нивелируется обобщенным взглядом, приблизительно устанавливающим «общий уровень» сложности. Но различие тем не менее есть и существенное. Как и в предыдущем случае, разрыв между уровнями сложности не может превышать некую критическую величину, иначе структура просто разрушается. Но в допустимом диапазоне соотношения сложности элементов и сложности

ветствии с фрактальной природой культурной (и не только) реальности общность принципов структурообразования распространяется на все уровни самоорганизации от макро- (историческое формирование оциокультурных систем) до микро- (образование локальных групп и сообществ, а также *культурных текстов любого рода*).

В русле нашей темы было бы наиболее интересно выделить три типа структурной самоорганизации: *моноцентрический, полицентрический и сетевой*. Под центром здесь понимается не просто локальная концентрация политических (властных), административных, управленческих, религиозных или каких-либо иных социально-организационных функций. Центр — это не пространственный топос, а средоточие базовых интенций и устойчивых смысловых конструкторов, образующих исторический генокод для данной системы. Иное дело, что в своем эмпирическом воплощении центр стремится закрепится в оптимальных социальных, институциональных и семантических формах (включая разнообразные виды символизаций), смысловых диспозициях, а также в наиболее подходящих точках пространства. Центр отличается от других элементов структуры способностью не только аккумулировать интенциональные потоки и выполнять транслируемые ими функции. Качественно трансформируя эти потоки, он направляет их вовне и тем самым оказывает индуцирующее и регулирующее воздействие на элементы структуры. Характер (но не содержание) этих воздействий определяется главным образом двумя факторами: структурной сложностью центра и его интенционально-энергетическим потенциалом.

В каждой системе присутствуют все три типа, но доминирует всегда какой-то один. Между на-

званными типами не существует стадийной иерархии; каждый из них по-своему оптимален для соответствующей системы. Не бывает между ними и плавных количественных переходов; один тип не вырастает из другого. Условием перехода между структурными типами выступает глубокая деконструкция целого: кардинальное упрощение (дробление, «развинчивание») структурных элементов, упрощение сложившихся между ними связей и затем реализация нового «принципа сборки».

Моноцентрический тип структурообразования подразумевает способность единого центра, расширяя поле своих организующих функций, сохранять синкретический тип сложности [3]. Дифференцирующая специализация центра неизбежно приводит к его дезинтеграции, размыванию и утрате доминантного положения. Не случайно в социоцентрических обществах авторитарного (с монархической формой правления или его аналогами) и в особенности имперского типа самонастройка культуры блокирует дифференциацию функций, репрезентирующих центр персон или институтов. Так, занятие письмом в ряде традиций считалось «не царским делом», а имперские столицы никогда не выделяли и не выносили за свои пределы специализированные структуры вопреки рациональным резонам. Последние подталкивают столицу-мегаполис к разгрузке, вынесению структур, самостоятельно выполняющих определенные наборы функций, вовне. И общества, не боящиеся усиления полицентризма, идут на это.

Моноцентристская установка подразумевает сохранение синкретической сложности центра любой ценой. Обычно это кончается неконтролируемым распадом «перегретого» центра и децентрализацией всей систе-

мы. Нарастание синкретической сложности единого центра не переходит плавно в полицентризм: десинкретизация моноцентра всегда деструктивна. Отсюда стремление моноцентрических обществ бесконечно удерживать синкретичность/сакральность своих репрезентируемых центром базовых оснований ядерных смыслов и ценностей. Отсюда же болезненная неприязнь к любому рода рефлексиям и рационализациям — вернейшим признакам расслоения интуитивно схватываемой синкретичности. Неизбывное противоречие между адаптацией и самосохранением состоит в рассогласовании типов сложности центра и периферии. Инертный центр удерживает меру синкретизма, полученную при рождении системы в результате вертикального ароморфоза, и потому структурный принцип здесь господствует над функциональным. Сдерживаемая ригидной структурой полифункциональность развивается преимущественно под ее синкретической оболочкой. На периферии же торжествует эффект Болдуина: функциональные изменения опережают структурные. На территории доминирования адаптивно-специализирующего (горизонтального) эволюционирования развитие новых функций стимулирует усложнение структурных связей, которое в конечном счете усложняет и сами элементы. Фронт усложнения в направлении от функции к структуре движется от периферии к центру. Не случайно для социоцентрических обществ¹, особенно в эпоху глобального кризиса I тыс. до н.э., новаторские сотериологические и близкие им мировоззрения зарождались, как правило, на периферии. Неудивительно в связи с этим, что центр как элемент системы нередко оказывается менее сложным, чем периферия. Особое значение приобретает здесь отношение системного центра к материалу избыточного разнообразия, ко-

торый неизменно накапливается на периферии системы, увеличивая тем самым если не актуальный, то по меньшей мере потенциальный уровень сложности.

Если центр настолько ригиден, что стремится любой ценой подавить избыточное разнообразие, то тем самым он блокирует потенциал развития системной сложности. Такая блокировка адресована как самим элементам, так и их связям. В этом случае система уподобляется организму с узкоспециализированными функциональными органами, который оказывается совершенно нежизнеспособен в случае неожиданных изменений среды. Иное дело, что локальная разблокировка может проходить явочным порядком, то есть без санкции центра. Таким образом, например, происходила рецепция западного культурного материала в СССР, особенно в его последний период. Когда волна усложнения (во всех значениях) докатилась до центра, система умерла. Если же центр более гибок и, сохраняя свой уровень системной сложности, готов усложнить внутрисистемные связи за счет включения в них материала периферийного разнообразия, то общий диапазон адаптационных возможностей системы повышается.

Нередко тенденция к усложнению связей вопреки природе структурных элементов и «воле» центра захватывает и диссистемный материал, что инициирует развитие новой, альтернативной системы внутри материнской. Такое развитие, однако, далеко не всегда завершается полным вызреванием первой. Альтернативная система может «застрять» на любом уровне развития, что порождает, если речь идет об обществе, феномен раскола. Примерами последнего в современном мире могут служить, по С. Хантингтону, Рос-

сия и Турция. Латентный же раскол, вызванный разрывом между уровнем сложности системно-образующих элементов и сложностью связей, включающих в себя также и диссистемный материал, наблюдается во многих обществах и не только моноцентрических.

В структурах полицентрического типа структурная сложность центров, как правило, уступает сложности связей. Полицентричность здесь образуется за счет десинкретизации и дезинтеграции центра и дифференцированного распределения его функций по нескольким и более «филиалам». При этом каждый из них, сохраняя «реликтовую» синкретическую универсальность, способен при определенных обстоятельствах воспроизвести общесистемное целое. Такими обстоятельствами, если говорить об исторических судьбах ЛКС, могли быть перемещения из одного субцентра в другой сакральных персон, символов, институтов, изменение торговых или паломнических путей, воен-

ное и политическое соперничество, внешние вторжения и др. Функциональная взаимозаменяемость центров отражает диффузность глубинного культурно-генетического субстрата ЛКС; она присуща структурам/системам, в которых несущим каркасом выступают именно внутренние связи, имеющие определенный уровень и характер сложности.

Такие структуры гибки, подвижны, открыты к рецепции инородного материала. Так, в полицентричной Западной Европе Темных веков одной из ключевых форм культурно-смысловых связей, сохраняющих относительную сложность, была античная традиция образования, через которую главным образом и начала осуществляться рецепция античного культурного гумуса. При этом сложность связей устойчиво опережала сложность структурных элементов культуры, по меньшей мере до эпохи городской революции и наступления зрелого Средневековья.

Как и всякий другой тип структурообразования, полицентризм имеет и свои слабые стороны. Резкое упрощение или разрыв стандартных межэлементных связей делает структуру/систему аморфной, рыхлой, неустойчивой. В предельном случае она превращается в агрегат или конгломерат дезинтегрированных или слабо и неустойчиво связанных между собой элемен-

ты сохраняют свою синкретическую неспециализированность. Иначе говоря, специализация, разумеется, есть, и нередко весьма узкая и глубокая. Но она в целом обратима, и это в корне отличает сетевые структуры от центральных, где переход синкретической сложности в комплексную выступает генеральной тенденцией. Тенденция эта побеждает и становится

лось пространство паллиативов между свободными альтернативами самореализации и жестким детерминизмом специализаций. На одном полюсе был, условно говоря, Конфуций, понимающий, что «благородный муж не подобен вещи», но служащий идее «исправления имен» и возврата к правильному порядку вещей древних династий. На другом полюсе — рядовой солдат бесконечной войны с Мировым Злом (Хаосом, Врагом и т.п.), служащий соответствующей инстанции, репрезентирующей Должное и Благо: царю, родине, городу, богу и т.п. При чем служение осуществляется не по собственному выбору, а в соответствии с навязанной культурой специализацией.

Чем проще организована ментальная сфера индивидуума как единичного элемента социальной структуры, тем легче культуре удастся его специализировать, «заточить» под выполнение определенных функций.

тов. Такую картину можно наблюдать, например, при распаде вождеств — как простых, так и сложных, а также любого рода временно интегрированных полицентричных сообществ, объединенных некими общими культурными кодами: от локальных групп кочевых скотоводов до вольных городов Средневековья и от этнокультурных анклавов в мегаполисах до фирм и корпораций в современном мире рынка и бизнеса.

В сетевом типе структурообразования элементы не столько образуют связи между собой, сколько сами представляют собой узлы, ступки связей. Здесь «перекачивание» уровня сложности из элементов в связи достигает максимума. Сетевые структуры с дрейфующими центрами или вовсе безтаковых наиболее гибки, подвижны, лабильны. Сложность в таких структурах/системах не кристаллизуется в дискурсе должного и его сверхценных культурных формах и символах. Такое структурообразование становится возможным за счет использования синкретической сложности элементов: ситуационно принимая на себя те или иные функции,

необратимой, когда дифференцирующее комплексное усложнение проникает внутрь самих элементов структуры, меняя тем самым их онтологию.

Чтобы эти рассуждения не выглядели абстрактно и схоластично, поясню их на примере. Чем проще организована ментальная сфера индивидуума как единичного элемента социальной структуры, тем легче культуре удастся его специализировать, «заточить» под выполнение определенных функций. Изначальным «чистым листом» здесь выступает «однослойная», целно-синкретичная и абстрактно-универсальная ментальность архаики. Надстраивание над этим слоем второго структурного слоя ментальности в осевую эпоху кардинально усложнило онтологию всей ментальной сферы. Открылись одновременно новые горизонты самореализации индивидуума в культуре и в то же время развернулась новая номенклатура специализаций, основанных на парадигме *служения*. Последняя явилась синкретической психологемой, определяющей идентичность постосевого человека. Все сложностной оболочке развива-

При таком положении дел комплексная (дифференцированная) сложность ментальности индивидуума как элемента социокультурной структуры/системы опережает, особенно в центральных образованиях, усложнение системы связей.

Увеличение разрыва порождает напряжение в системе, ответом на который выступает ее кардинальная трансформация. Ментальность как структурный элемент системы претерпевает вторичное упрощение и своего рода «неосинкретизацию», а «точки роста» перемещаются в систему межэлементных связей. Исторически такое состояние наблюдается, например, в Европе на стыке поздней античности и Темных веков. Но поскольку рост числа и усложнение общесистемных и функциональных связей не может не коррелировать с онтологией элементов, она тоже усложняется. Ментальная структура становится трехслойной [4]. Этот шаг к «новому универсализму» порождает ментальный и социокультурный тип новоевропейской личности и инициирует полемику между парадигмой служения и становящимся принципом свободной самореализации. Социологическим планом этой полемики явился контрапункт свободной творче-

ской личности и «одномерного» массового человека.

Глобальный культурно-антропологический кризис современности обнаружил исчерпанность эволюционного развития в прежних диспозициях сложности элементов и связей; тенденция к отказу от центральных структур в пользу сетевых определенно устремлена к новому универсализму. Уже явился новый культурно-антропологический тип, не идентифицирующий себя «намертво» с теми или иными социокультурными функциями или парадигмой служения, легко дрейфующий по этим функциям, как бы пропускающий их сквозь себя. Такой тип неосинкретической сложности ментальности имеет огромный потенциал «валентности» — способности осваивать и комбинировать функциональные специализации, не «прирастая» к ним и не сливаясь с ними, утрачивая индивидуальность. Дрейф в сложностном пространстве системных связей в значительной степени снимает напряжение между принципом свободы и принципом специализации, или по меньшей мере находит между ними своеобразный компромисс, возможный, напомню, лишь при условии неосинкретического характера ментальной сложности. Сегментирование ментальности и дифференцирование ее функций делает актуальным выделение и усиление центра как инструмента вторичной интеграции обособившихся форм и связей. Это происходило в истории неоднократно, но сейчас, похоже, главные тенденции направлены в противоположную сторону.

Дифференцирование эпистемы сложности по любому из приведенных выше оснований опровергает расхожий тезис о том, что одним из сквозных трендов социокультурной эволюции яв-

ляется наращивание интеллектуальной мощи. Земледельцы далеко не всегда «интеллектуальнее» охотников и собирателей, просто между этими двумя типами интеллекта по сумме их системно-сложностных характеристик существуют качественные различия. Их игнорирование в принудительном обобщении размывает и обесмысливает критерий интеллектуального развития вообще. Впрочем, без уточнения того, о каком типе сложности идет речь, «подвисают» и многие другие, кажущиеся самоочевидными критерии. Определение некоего обобщенного уровня сложности, который «на глазок» складывается из разнородных и несоизмеримых между собой явлений, проблематично даже для факторного анализа с его «ползучим эмпиризмом». Приведенные выше заметки не претендуют, однако, на роль методологического руководства по «окончательному» решению проблемы сложности. Это всего лишь начало большой и, простите за каламбур, сложной работы по выработке новой эпистемологии для изучения культуры.

■

ПЭС 13121/02.09.2013

Примечание

1. Если говорить о политогенезе, то здесь моноцентрический тип системы вовсе не обязательно предполагает жесткую монополюсительность. Напротив, большинство древних моноцентрических обществ были скорее мультиполитийными.

Литература

1. Пелипенко А.А. Культура и смысл. М.: РОССПЭН, 2012. 607 с.
2. Коротаев А.В. Социокультурная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература РАН, 2003. 278 с.
3. Пелипенко А.А. К проблеме сложности // Экономические стратегии. 2014. № 1. С. 90–95.
4. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: УРСС, 2010. 379 с.

